

Экоцид в уголовном законодательстве Кыргызской Республики

Айдарбеков Чингиз Азаматович

Заведующий отделом международных связей и протокола аппарата Жогорку Кенеша Кыргызской Республики
Соискатель кафедры уголовного права и криминологии Кыргызско-Российского Славянского университета
им. Б. Н. Ельцина
Магистр международного права
chinaidarbekov@gmail.com

РЕФЕРАТ

В статье рассмотрены вопросы соотношения международного уголовного права и уголовного законодательства Кыргызской Республики, а также соотношения экоцида и экологической катастрофы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

международное уголовное право, Уголовный кодекс, экоцид, экологическая катастрофа

Aidarbekov Ch. A.

Ecocide in the Criminal Legislation of the Kyrgyz Republic

Aidarbekov Chingiz Azamatovich

Head of department of international relations and protocol Apparatus of Parliament of the Kyrgyz Republic
Researcher of department of criminal law and criminology of Kyrgyz-Russian Slavic University named after
B. N. Yeltsin (Bishkek, Kyrgyz Republic)
Master of international law
chinaidarbekov@gmail.com

ABSTRACT

In the article questions of a ratio of the international criminal law and the criminal legislation of the Kyrgyz Republic, and also a ratio of ecocide and environmental disaster are considered.

KEYWORDS

international criminal law, Criminal code, ecocide, environmental disaster

С каждым годом становится все более очевидным, что сохранение пригодной, благоприятной к существованию человека экологической среды является одним из условий существования человечества.

На уровне международного сообщества осознание «глобальности и важности» защиты окружающей среды пришло постепенно. Угрожающий характер вредоносного воздействия на экологическую сферу стал серьезно заботить мировые политические круги и общественность только во второй половине XX в., что было связано с появлением и применением таких методов и средств ведения военных действий, которые имели неизбирательное поражающее действие в отношении всего живого. Если раньше основой всех войн служило физическое поражение войск, то в середине прошлого века одной из основ стратегии и тактики воюющих стран стало сознательное разрушение природы на территории противника [2, с. 97–105].

Запрет использования воздействия на окружающую среду произошел из принципа ограничения воюющих в выборе средств и методов ведения военных действий. Он впервые сформулирован в ст. XXII Гаагского положения о законах и обычаях сухопутной войны (1907): «Воюющие не пользуются неограниченным правом в выборе средств нанесения вреда неприятелю». В дальнейшем этот принцип был развит во многих международно-правовых документах.

Так, согласно пп. 1, 3 ст. 35 и ст. 55 I Дополнительного протокола 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г. (ратифицирован законом КР от 21 июля 1999 г. за № 86), предписано: «В случае любого вооруженного конфликта право сторон, находящихся в конфликте, выбирать методы или средства ведения войны не является неограниченным. Запрещается применять методы или средства ведения военных действий, которые имеют своей целью причинить или, как можно ожидать, причинят обширный, долговременный и серьезный ущерб природной среде».

Указанные действия стали расцениваться не просто как «недопустимые», а были признаны военным преступлением, получившим название «экоцид» (от греческого «oikos» — дом, местопребывание и латинского «caedo» — убиваю).

В зарубежной литературе распространено суждение о том, что «экоцид как преступление имеет своим истоком агрессивную войну. Он как бы вырос из нее» [5, с. 131]. В стт. 1 и 2 Конвенции о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду от 18 мая 1977 г. установлено, что: «1. каждое государство-участник настоящей Конвенции обязуется не прибегать к военному или любому иному враждебному использованию средств воздействия на природную среду, которые имеют широкие, долгосрочные или серьезные последствия, в качестве способов разрушения, нанесения ущерба или причинения вреда любому другому государству-участнику. 2. Каждое государство-участник настоящей Конвенции обязуется не помогать, не поощрять и не побуждать любое государство, группу государств или международную организацию к осуществлению деятельности, противоречащей положениям пункта 1 настоящей статьи». Таким образом, совершение актов экоцида стало расцениваться как международное преступление вне зависимости от того, совершены они в военное или мирное время и без обязательной их «увязки» с вооруженным конфликтом — «экоцид возможен скорее всего в результате применения запрещенных средств и методов ведения войны, хотя в принципе не сводится к этому» [6, с. 821].

Кроме того, в Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие от 10 октября 1980 г., прямо сформулирован принцип международного права, согласно которому право сторон в вооруженном конфликте выбирать методы или средства ведения войны «не является неограниченным». Аналогичное положение, запрещающее абсолютно произвольный выбор сторонами вооруженного конфликта средств и методов ведения последнего, содержится во многих международно-правовых документах. Так, например, в статье 1 Конвенции о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния от 13 ноября 1979 г. (КР присоединилась 14.01.2001 г. за № 11) под загрязнением понимается любое (прямое или косвенное) введение веществ или энергии в воздушную среду, влекущую за собой вредные последствия такого характера, как «угроза здоровью людей, нанесение вреда живым ресурсам, экосистемам или материальным ценностям».

В статье 1 Венской конвенции об охране озонового слоя от 22 марта 1985 г. (ратифицировано Законом КР от 15.01.2000 г. за № 16) термин «неблагоприятное воздействие» определен как изменение в физической среде или биоте, включая изменение климата, которое имеет «значительные вредные последствия для здоровья человека, или для состава, восстановительной способности или продуктивности природных и регулируемых экосистем, или для материалов, используемых человеком».

Идея всемерной защиты окружающей среды от масштабных неблагоприятных воздействий последовательно выражена в Декларации по окружающей среде и развитию, подписанной в г. Рио-де-Жанейро 14 июня 1992 г. Этот документ предписывает государствам «уважать международное право, предусматривающее защиту

окружающей среды при возникновении вооруженных конфликтов» (принцип 24). Но самое значимое предписание сформулировано в принципе 13, согласно которому «Государства должны разрабатывать национальные законы, касающиеся ответственности за ущерб, наносимый жертвам загрязнения и других видов экологически вредной деятельности, и компенсации такого ущерба. Государства обеспечивают оперативное и более решительное сотрудничество в целях разработки дополнительных международно-правовых норм, касающихся ответственности и компенсации за негативные последствия экологического ущерба, причиняемого деятельностью, которая ведется под их юрисдикцией или контролем, районам, находящимся за пределами их юрисдикций».

Таким образом, в документах международного права опасность воздействия на окружающую среду и ее составляющие определяются через возможное причинение вреда здоровью и жизни человека, а также вероятное наступление неблагоприятных последствий в виде серьезного изменения экологических свойств окружающей среды (экологической системы). Исходя из вышеизложенного можно отметить, что значительное число норм международного характера достаточно последовательно развиваются в сторону глобального решения проблем охраны окружающей среды. Однако процессы глобализации, новые технологии, расширяющие человеческие возможности воздействия на окружающую среду, требуют постоянного совершенствования международно-правовых механизмов, которые бы имели универсальный, императивный характер для всех субъектов международных отношений в части регулирования и охраны отношений, возникающих по поводу охраны природы и окружающей среды.

Кыргызстан является последовательным и надежным партнером на международном уровне в реализации данной проблемы. Международное уголовное право сыграло большую роль в процессе имплементации понятия «экоцида» как правовой категории и установления уголовной ответственности за него в законодательстве страны. Это положение, безусловно, основано и закрепляется Конституцией Кыргызской Республики. Так, в п. 3 ст. 6 Конституции Кыргызстана сказано, что «Вступившие в установленном законом порядке в силу международные договоры, участницей которых является Кыргызская Республика, а также общепризнанные принципы и нормы международного права являются составной частью правовой системы Кыргызской Республики».

Кыргызстан обладает уникальной сохранившейся в первозданном виде природой. В силу многих обстоятельств, в том числе отсутствия крупных загрязняющих производств, экология в Кыргызстане относительно благоприятна и чиста. Одним из приоритетов развития страны определен туризм, который неразрывно связан с чистой окружающей среды. Поэтому крайне важным является создание необходимой законодательной базы, которая бы защищала экологию страны, поощряла ее защиту и строго наказывала за незаконные действия.

В Национальной стратегии устойчивого развития Кыргызской Республики на период 2013–2017 гг. от 21 января 2013 г. отмечается, что «Кыргызская Республика является стороной 13 международных природоохранных договоров и конвенций, выполнение обязательств по которым способствует поддержанию экологической устойчивости и позволяет привлекать внешние грантовые средства для стабилизации и предотвращения деграционных процессов природных ресурсов».

Планируется формирование и последовательная реализация единой государственной политики в области экологической безопасности и охраны окружающей среды, охватывающей все аспекты устойчивости экосистем».

Однако, на наш взгляд, до сих пор встречаются проблемы, связанные с реализацией предписаний международного права и их имплементацией в национальное законодательство при определении ответственности за экоцид. Так, в Уголовном

кодексе Кыргызской Республики ответственность за экоцид установлена ст. 374 гл. 34 разд. XII в следующей формулировке:

«Массовое уничтожение растительного или животного мира, отравление атмосферы или водных ресурсов, а также совершение действий, способных вызвать экологическую катастрофу, — наказывается лишением свободы на срок от двенадцати до двадцати лет».

Эта норма уголовного права имплементирована из соответствующих положений международного уголовного права и носит преимущественно бланкетный характер. Ее закрепление в уголовном законодательстве нашей страны уже является достаточно серьезным показателем влияния Международного уголовного права. Встречаются страны, которые к такой позиции приходят через горький опыт, в результате уже произошедшей экологической катастрофы, после многочисленных потерь и жертв.

С момента принятия Уголовного кодекса Кыргызской Республики в 1997 г. не было ни одного уголовного дела по данной статье. Таким образом, можно констатировать отсутствие у нас какой-либо судебной практики по применению данной нормы. Поэтому мы можем апеллировать лишь некоторыми соображениями теоретического характера, опираясь на действующую ст. 374 УК КР и нормы международного права по данному вопросу.

Криминализация экоцида связана с массовым уничтожением растительного или животного мира, а также отравлением атмосферы или водных ресурсов. Следует отметить, что законодательно не определен исчерпывающий перечень актов экоцида. Это преступление может совершаться иными действиями, способными вызвать экологическую катастрофу. Такой подход законодателя полагаем оправданным, поскольку в основу должны быть положены последствия для человека и всего сообщества в целом при совершении экоцида. При этом следует учитывать и уровень развития научно-технического прогресса в обозримом будущем. Отметим что, например, УК Таджикистана предусмотрел уголовную ответственность как за экоцид, так и за биоцид. В последнем случае речь идет о применении ядерного, нейронного, химического, биологического, климатического или иного оружия. Думается, что его можно рассматривать как специальный состав преступления по отношению к экоциду.

Представляет интерес момент окончания преступления. Д. В. Решетникова полагает, что состав экоцида материально-деликтоопасный с раздвоенным моментом окончания преступного посягательства [9]. Авторы полного курса уголовного права [8, с. 649] исследуемое деяние относят к формальным составам преступлений. Действительно, с одной стороны, этот состав сформулирован как состав реальной угрозы, когда фактическое наступление общественно опасных последствий на квалификацию содеянного не оказывает влияния. Однако наряду с деликтом создания опасности используется и материальный состав [1]. Нам представляется, что такой законодательный прием может иметь место, но при квалификации деяния по ст. 374 УК КР требуется установление именно уничтожения растительного или животного мира, отравление атмосферы и др. Без данных признаков или при их отсутствии можно говорить лишь о приговорении или покушении на совершение экоцида. При этом следует доказать массовость такого отравления или наступление экологической катастрофы. Что касается последней, то возможны случаи, когда последствие в виде экологической катастрофы может не наступить, но действия в данном направлении уже совершены. Поэтому в данной части следует говорить о формальном составе экоцида.

Наиболее сложным с юридической точки зрения является понимание экологической катастрофы как признака состава преступления. Популярный и широко употребляемый термин «экологическая катастрофа» не раскрывается ни в уго-

ловном законе, ни в другом ином законодательстве страны. Поэтому его интерпретация производится обычно на основе сравнительного анализа смежных норм. В частности, под угрозой экологической катастрофы как последствие акта экоцида, по мнению А. Кабальника, следует понимать реальную возможность значительного и устойчивого нарушения естественного функционирования экологической системы и (или) биологического разнообразия в таких системах [3, с. 64; 4]. С данной позицией можно согласиться. Это положение также вытекает из ст. 2 Конвенции ООН о биологическом разнообразии от 5 июня 1992 г. Что касается национального законодательства, то, анализируя стт. 1, 3, 4 Закона КР «Об охране окружающей среды» от 16 июня 1999 г., полагаем, что экологическая катастрофа как уголовно-значимое последствие действительно имеет своими признаками устойчивое нарушение естественного функционирования экологических систем и значительное нарушение (изменение) биологического разнообразия. Однако в полном курсе уголовного права [8, с. 650] отмечается, что должны наступить необратимые глобальные и опасные для жизнедеятельности человечества и экосистем изменения окружающей среды. Если признать, что системное нарушение всегда приводит к глобальным изменениям в окружающей среде, то вполне вероятно совместить оба понятия и использовать их для определения экологической катастрофы.

Экологическая катастрофа, как признак состава преступления, лежит в основе разграничения экоцида с иными преступлениями. Речь идет о таких преступлениях, как нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов (ст. 266 УК КР); загрязнение вод (ст. 271); загрязнение атмосферы (ст. 272); непринятие мер по ликвидации последствий экологических нарушений УК КР (ст. 274). При совершении всех перечисленных экологических преступлений не требуется установления наступления экологической катастрофы. Но сам экоцид как преступное деяние поглощает собой объективные признаки любого экологического преступления.

Следовательно, если акт экоцида осуществлен путем действий, предусмотренных как экологическое преступление, то содеянное должно в целом квалифицироваться как экоцид — т. е. только по ст. 374 УК КР.

В результате экоцида могут наступить последствия в причинении смерти либо умышленного вреда здоровью людей различной степени тяжести. При этом каждое из этих последствий является самостоятельным преступлением против жизни и здоровья личности. Учитывая специфику законодательной конструкции состава экоцида, вопрос о том, перерастает ли причиненный вред жизни и (или) здоровью в самостоятельный состав преступления или охватывается диспозицией ст. 374 УК КР, следует решать в зависимости от законодательной оценки степени тяжести последствий.

Субъективная сторона преступления характеризуется виной в форме прямого или косвенного умысла. При неосторожных формах вины ответственность должна наступать не за преступления против человечества, а за соответствующие экологические преступления [7, с. 728].

Принцип индивидуальной ответственности за совершение экоцида и иных преступлений против мира и безопасности человечества предполагает виновное отношение причинителя к содеянному. В решениях международных судов вина как субъективный признак (*mens rea*) этих преступлений определяется в качестве «психологической связи между физическим результатом и ментальным статусом преступника» и обозначена как «сознательность», «намерение», «желание»¹.

¹ *Prosecutor v. A. Musema*. Case № ITCR-96-13-T. 27 January 2000. § 166; *Prosecutor v. Z. Delalic, Z. Mucic, H. Delic, E. Landzo*. Case № IT-96-21-T. 16 November 1998. §§ 77, 81.

Сложность определения вида умысла в совершении актов экоцида заключается в том, что исследуемый состав имеет формально-материальную конструкцию: при вменении ст. 374 УК КР необходимо устанавливать субъективную сторону по отношению либо к последствию, либо к деянию.

В соответствии с действующим Уголовным кодексом КР, юридические лица уголовной ответственности подлежать не могут. В руководящих принципах в области предупреждения преступности и уголовного правосудия имеется предписание о целесообразности установления уголовной ответственности «учреждения, корпорации или предприятия». Практическое осуществление в настоящее время уголовной ответственности государства за совершение экоцида также невозможно. Данная проблема должна быть вначале разрешена на международном уровне. Тем не менее, полагаем, с учетом опыта модельного и действующего зарубежного уголовного законодательства, в перспективе возможным признать юридические лица субъектом уголовной ответственности за совершение актов экоцида. Это потребует внесения соответствующих изменений в уголовное законодательство КР. Также серьезному пересмотру подвергнется отечественная доктрина ответственности субъекта преступления. В настоящее время в связи с проводимой реформой уголовного законодательства страны данная проблема стала предметом обсуждения в парламенте страны. Однако оценка данного института и его реализация вызывают огромное количество дискуссий и даже недопонимание в реализации такой ответственности. Вполне вероятно, можно было бы допустить применение мер уголовно-правового воздействия к юридическим лицам при наличии виновного физического лица и избежать такой формулировки, как «привлечение юридического лица к уголовной ответственности». Ответственность юридического лица привязывается к ответственности физического лица. Введение такой ответственности представляется важным с точки зрения исполнения Кыргызстаном своих международных обязательств.

Развитие законодательства представляет собой дальнейшее совершенствование норм права, в том числе и уголовного. Международное уголовное законодательство также находится в состоянии динамичного развития. В этой связи возникают проблемы, связанные порой с такими институтами, как покушение на совершение преступления. Покушения в экоциде с точки зрения отечественного закона полностью охватываются регламентацией уголовной ответственности за неоконченное преступление. Однако, на наш взгляд, остается за пределами состава такое опасное действие, как планирование экоцида, при этом деяние может подлежать несправедливо заниженной юридической оценке. В связи с этим представляется, что для правильной юридической оценки планирования и подготовки совершения актов экоцида, в соответствии с международным правом, необходимо предусмотреть эти деяния в качестве самостоятельных признаков объективной стороны состава экоцида.

При этом под планированием экоцида мы предложили бы понимать составление конкретного плана действий, составляющих объективную сторону экоцида. «Конкретность» такого плана может означать следующее:

- совершение соответствующих организационно-технических мероприятий для осуществления актов экоцида;
- объективная возможность реализации таких мероприятий;
- разработка соответствующих расчетов материально-технических потребностей для реализации подобных планов;
- наличие хотя бы приблизительно очерченного круга исполнителей или их вербовки;
- проработка планов на осуществление актов экоцида в целом и отдельных операций по их осуществлению.

Соответственно под подготовкой экоцида как самостоятельного уголовно-наказуемого деяния могут пониматься реальное осуществление комплекса мер и мероприятий организационного и материально-технического характера для осуществления актов экоцида.

Учитывая вышеизложенное, можно было бы предложить новую редакцию ст. 374 УК КР:

«Статья 374. Экоцид.

1. Массовое уничтожение растительного или животного мира, отравление атмосферы или водных ресурсов, а также совершение иных действий, способных вызвать экологическую катастрофу, —

наказывается ...

2. Планирование или подготовка экоцида —

наказывается...»

Литература

1. Безверхов А. Г. О проблеме конструирования составов преступлений по моменту окончания // Вестник Самарской гуманитарной академии. 2012. № 1. С. 71–78.
2. Бирюков В. Л., Иванов В. Н. Правовые основы предотвращения экологических преступлений, терроризма, экоцида // Экологическая безопасность России: проблемы правоприменительной практики. СПб., 2003.
3. Веревичева М. И. К вопросу об уголовной ответственности за экоцид // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2010. № 2(8).
4. Кабальник А. Уголовная ответственность за экоцид / А. Кабальник, И. Соломенко // Законность. 2005. № 6. С. 20–22.
5. Международное уголовное право. 2-е изд. / Под ред. В. Н. Кудрявцева. М., 1999.
6. Наумов А. В. Российское уголовное право: Курс лекций. Т. 2. Особенная часть. М., 2004.
7. Осмоналиев К. М., Супатаева Ж. Э. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу КР. Издание 5-е. Бишкек, 2014.
8. Полный курс уголовного права. СПб. : 2008. Т. 5.
9. Решетникова Д. В. К проблеме конструирования составов преступления в условиях глобализации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 1(14). С. 397–399.

References

1. Bezverkhov A. G. *About a problem of designing of crime components on the termination moment* [O probleme konstruirovaniya sostavov prestuplenii po momentu okonchaniya] // Bulletin of the Samara humanitarian Academy [Vestnik samarskoi gumanitarnoi akademii]. 2012. N 1. P. 71–78. (rus)
2. Birykov V. L., Ivanov V. N. *Legal bases of prevention of ecological crimes, terrorism, ecocide* [Pravovye osnovy predotvrashcheniya ekologicheskikh prestuplenii, terrorizma, ekotsida] // Ecological safety of Russia: problems of law-enforcement practice [Ekologicheskaya bezopasnost' Rossii: problemy pravoprimeritel'noi praktiki]. SPb., 2003. (rus)
3. Verevicheva M. I. *On a question of criminal liability for ecocide* [K voprosu ob ugovlovnoi otvetstvennosti za ekotsid] // Bulletin of the Samara humanitarian Academy. Series «Law» [Vestnik samarskoi gumanitarnoi akademii. Seriya «Pravo»]. 2010. N 2(8). (rus)
4. Kabalnik A. *Criminal liability for ecocide* [Ugolovnaya otvetstvennost' za ekotsid] / A. Kabalnik, I. Solomenko // Legality [Zakonnost']. 2005. N 6. P. 20–22. (rus)
5. *International criminal law* [Mezhdunarodnoe ugovloevnoe pravo]. 2nd ed. / Under the editorship of V. N. Kudryavtsev. M., 1999. (rus)
6. Naumov A. V. *Russian criminal law*. Course of lectures. V. 2. Special part [Rossiiskoe ugovloevnoe pravo. Kurs lektzii. T. 2. Osobennaya chast']. M., 2004. (rus)

7. Osmonaliev K. M., Supataeva Zh. E. *The scientific and practical comment to the Criminal Code of Kyrgyz Republic* [Nauchno-prakticheskii kommentarii k Ugolovnomu kodeksu KR]. The edition 5th. Bishkek, 2014. (rus)
8. *Full course of criminal law* [Polnyi kurs ugolovnogo prava]. SPb., 2008. V. 5. (rus)
9. Reshetnikova D. V. *On a problem of designing of corpus delicti in the conditions of globalization* [K probleme konstruirovaniya sostavov prestupleniya v usloviyakh globalizatsii] // Jurisprudence and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia [Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik nizhegorodskoi akademii MVD Rossii]. 2011. N 1(14). P. 397–399. (rus)